

Александр Отливанчик
Белорусский государственный университет

**«ЕВРОПА СТАРА... МЫ ЖЕ МОЛОДЫ...».
ПЕРСПЕКТИВА «ЗАКАТА ЕВРОПЫ»
В ОСМЫСЛЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
И ПУБЛИЦИСТОВ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН»**

«Европа стара; она отжила свои духовные стремления. Мы же молоды. <...> Наша полная духовная жизнь еще впереди», – писал в 1873 г. Н.Н. Страхов в редактируемом Ф.М. Достоевским журнале «Гражданин» [5, с. 548]. Соотнося исторический возраст германо-романской (европейской в узком смысле слова) и славяно-русской цивилизаций, Н.Н. Страхов следует за Н.Я. Данилевским, чью историософскую концепцию разделяет. Культурологическая интерпретация всемирной истории, предложенная Н.Я. Данилевским в работе «Россия и Европа», основана на нетождественности понятий «цивилизации всечеловеческой» и «частной европейской, или германо-романской, цивилизации»; эта интерпретация отвергает господствующую в западной историософии однолинейную евроцентристскую схему общественного прогресса. Человечество мыслится Данилевским состоящим из ряда локальных («автономных») цивилизаций, каждая из которых проживает конечный исторический период. Данилевский делает различие между германо-романской и славянской цивилизациями и, в соответствии с традицией русских славянофилов, лишь германо-романскому миру присваивает название Европы. Миры германо-романский и славянский, по его теории, являются конкурентами и развиваются не синхронно – германо-романский намного старше славянского. Поскольку срок «жизни» любой локальной цивилизации *конечен*, более зрелый возраст германо-романского Запада не является безусловным преимуществом Запада перед славянским Востоком Европы. Германо-романский мир значительно сильнее и более развит, чем славянский, – но и ближе к естественной старости и смерти. Более того, «зиждательные силы» народов Запада, по оценке Данилевского, «вступили уже около полуторасти или двухсот лет тому назад на нисходящую сторону своего пути» (написано в 1860-е гг.) [1, с. 172].

Концепция Н.Я. Данилевского, при всем ее новаторстве, возникла не на пустом месте. Мысль о старении Европы, являющая диссонанс с абсолютно преобладавшими в общественном мнении еврооптимистическими настроениями, высказывалась некоторыми западными учеными

уже в 1-й половине – середине XIX в. Так, в Германии эту мысль разделяли философы Л. Окен и Э. Ласо (Л. Окен предсказывал, что на смену постепенно стареющей Западной Европе придут молодые цивилизации Славянства и Америки). Знаменитые записки А. де Кюстина (Франция) «Россия в 1839 году» содержат следующий «апокалиптический» прогноз: «Когда “цивилизованнейшие” нации земли перестанут жить активной, бодрой жизнью и постепенно впадут в летаргический сон... тогда вновь откроются шлюзы Севера... и мы испытаем последнее нашествие» [9, р. 15]. Для Кюстина «варварская» и неразвитая Россия есть кара Божья, грозящая западным народам; предназначение русских – в том, чтобы поражать «одряхлевшие» цивилизации. В противоположность русофобским настроениям А. де Кюстина, немецкий историк Я.-Ф. Фальмерайер смотрел на Россию с надеждой, видя в ее народе «зародыши будущего возрождения и обновления падающего Запада» [3, с. 21].

Одновременно с выходом в России труда Н.Я. Данилевского (1869 г.) в Германии публикуется «Философия бессознательного» Э. фон Гартмана. «Гражданин» редакции Ф.М. Достоевского оценил эту публикацию как знаковое событие, отражающее подвижки в интеллектуально-духовной жизни Европы 2-й половины XIX в. Учение Э. фон Гартмана представляло собой разновидность философского пессимизма. «...Человечество приближается к дряхлой старости... вместо юношеской силы... все более расширяется стремление к удобствам жизни, к комфорту и спокойствию», – кратко излагает в «Гражданине» один из выводов Э. фон Гартмана М. П. Погодин [4, с. 350]. «Идея материального благосостояния, в которую, наконец, сузились понятия о счастии жизни... действует несомненно отрицательным образом» на человеческие умы, «расслабляя силы людей», – вторит Гартману Н.Н. Страхов, также говорящий в данном контексте о «старческих» запросах и стремлениях «новой» Европы [5, с. 548]. Значение самого Э. фон Гартмана как ученого Погодин и Страхов оценивают различно. М.П. Погодин решительно относит «Философию бессознательного» к числу «знаменательнейших произведений новейшей философской литературы»; для Н.Н. Страхова же феномен внезапной популярности Гартмана в Европе есть лишь показатель измельчания духовных потребностей «цивилизованного человечества». Прежде, констатирует Н.Н. Страхов, «читались золотые мечтания Фурье, теперь читается пошлый, холодно-печальный Гартман, жалующийся, что на земле только два истинных удовольствия – женщины и хороший стол, да и те слишком быстро удовлетворяются» [6, с. 596].

Все четче проявляющий себя в западном человеке индивидуалистический тип сознания, тенденция к распаду европейского социума на отдельные *самодостаточные* в своем ощущении личности явились предметом анализа самого Ф.М. Достоевского как публициста и обозревателя «Гражданина» (серия регулярных обзоров «Иностранные события»). Эта тенденция ярче всего проявлялась во Франции – общепризнанном в XIX в. лидере, «эталонном» государстве Европы (недаром Достоевский в «Иностранных событиях» называет Францию «предводительницей Европы», «главной представительницей германо-романского племени» [2, т. 21, с. 184, 245]). Эта Франция – уже «страна, разъединенная нравственно... где общее чувство есть лишь самое ограниченное чувство самосохранения и где **chacun pour soi есть первое правило**», – на ее примере хорошо видна потеря наиболее зрелыми европейскими нациями «общей идеи единения» [2, т. 21, с. 215, 237–238].

Приводимое Ф.М. Достоевским высказывание «chacun pour soi» – начало французской поговорки «Chacun pour soi et Dieu pour tous» (по-русски: «Каждый за себя, Бог за всех»). Наряду с приписывавшимся Людовику XV афоризмом «**Après moi le déluge**» («После меня хоть потоп») эта поговорка полемически используется Достоевским в статьях, написанных для «Гражданина»; затем оба высказывания фигурируют в публицистике моножурнала «Дневник писателя» (см., напр., августовский выпуск за 1880 г.). Обе поговорки, по Достоевскому, суть «общественные формулы» европейского индивидуалиста нового времени.

В той же Франции уже в середине XIX в. впервые проявился еще один тревожный для Запада симптом, поначалу привлечший внимание лишь специалистов-демографов. «Обыкновенно рост благосостояния вызывает численный рост населения; Франция> составляет исключение: в ней рост населения слаб, и начало заметного замедления его относится... к эпохе Людо<овика>-Филиппа», – зафиксировал в 1902 г. необъяснимую в тот момент аномалию сотрудник «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. По данным словаря, еще в 1821 г. годовой прирост населения во Франции соответствовал норме, составляя 0,87 % от общей численности жителей страны; затем началось его ощутимое снижение: к 1831 г. – до 0,41 % (более чем вдвое), к 1851 г. – до 0,20 % (еще вдвое). К концу XIX в. **прирост населения прекратился** [8, с. 597–598]. Пройдет несколько десятилетий – и никто в Европе уже не сочтет демографическую стагнацию явлением *аномальным*: тенденция распространится из Франции по всему западу континента; стагнация перейдет в демографический кризис – замедление роста на-

селения сменится его убылью. Образование демографических пустот потребует их заполнения; принадлежность прибывающих в Старый Свет колонистов к инородным Европе этническим группам и конфессиям (при сравнительно низком общем культурном уровне мигрантов) создаст в Европе предпосылки к конфликту коренной и «пришлой» цивилизаций.

Разумеется, в XIX в. почти никто так далеко не заглядывал. Как блистательное исключение из правила отметим брошюру-памфлет А. Дюма (сына) «Мужчина – женщина» (Париж, 1872). Брошюра была посвящена проблеме демографической стагнации и трактовала это явление именно как *проблему*, которую необходимо решать. (В 1873 г. памфлет А. Дюма и отклики на него были упомянуты в «Гражданине» Н.Н. Страховым как актуальное явление французской общественной мысли.) В 1875 г. французская «демографическая аномалия» привлекает внимание Ф.М. Достоевского. Датируемая 20-ми числами декабря отметка в записной тетради романиста содержит дальновидный прогноз, конкретизированный затем Достоевским в июльско-августовском «Дневнике писателя» 1876 г. Отметка записной тетради: «...достигнув известного предела, население может даже совсем останавливаться... la population restera stationnaire (численность населения будет оставаться постоянной) (*фр.*) – А. О.). Эта аксиома ждет, может быть, всю Европу» [2, т. 24, с. 89]. В июльско-августовском «Дневнике» 1876 г. мысли Достоевского озвучивает герой-«парадоксалист», наделенный автобиографическими чертами: «Ведь это Чацкий, что ли, провозгласил, что “...чтоб иметь детей // Кому ума не доставало?” <...> Да вот же недостает: современная женщина в Европе перестает родить» [2, т. 23, с. 92]. Парадоксалист беседует с автором «Дневника писателя» в еще не затронутом «французской тенденцией» немецком Эмсе – поэтому, разумеется, он должен пояснить свою мысль. Пояснение следует: «Эмс глуп... а потому он еще продолжает родить детей, но Париж забывает производить детей. А за Парижем и вся Франция. Ежегодно министр торжественно докладывает палатам о том, что “la population reste stationnaire”. Ребятишки, видите ли, не рождаются». Далее, упомянув памфлет А. Дюма «Мужчина – женщина», герой Достоевского предсказывает, что демографическая стагнация впоследствии «перешагнет и за пределы Франции. Пройдет еще каких-нибудь четверть века, и увидите, что даже глупый Эмс поумнеет». Франция же начнет «переставать быть Францией». Следующий далее пассаж в настоящее время не требует комментариев: «Я знаю, найдутся, что скажут, тем лучше: уничтожатся французы – останутся люди. <...>

Люди-то, положим, но это будущие дикие, которые проглотят Европу» [2, т. 23, с. 93–95].

Изложенные соображения дают понять всю уязвимость позиций духовно зависимой от стареющего Запада «послепетровской» России. Слившись с миром Запада, мир славяно-русский в долгосрочной перспективе должен будет бесследно исчезнуть, не исчерпав своих потенциальных возможностей. Славяно-русский мир, следовательно, нуждается в свободе от западных влияний. «Свобода от влияний не значит их неведение или пренебрежение», – поясняет в «Гражданине» Н.Н. Страхов, – «нам нужно...претворить в себе...влияния» Европы – но не пассивно, а «отвечать на них развитием своих сил, которое поравнялось бы ее (Западной Европы. – А. О.) развитию и победило бы его» [7, с. 621].

Литература

1. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
2. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990. – 30 т.
3. Ламанский, В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. III / В.И. Ламанский // Заря. – 1870. – № 5. – Отд. II. – С. 1–74.
4. Погодин, М. К вопросу о славянофилах / М. Погодин // Гражданин. – 1873. – № 11. – С. 347–352.
5. Страхов, Н. Заметки о текущей литературе. IV–VI / Н. Страхов // Гражданин. – 1873. – № 18. – С. 546–548.
6. Страхов, Н. Заметки о текущей литературе. IX–XI / Н. Страхов // Гражданин. – 1873. – № 20. – С. 594–597.
7. Страхов, Н. Заметки о текущей литературе. XII–XIII / Н. Страхов // Гражданин. – 1873. – № 21. – С. 620–623.
8. Ю. Ш. [Шокальский, Ю.] Франция / Ю. Ш. [Ю. Шокальский], Н. Кареев, В. Водовозов // Энциклопедический словарь: в 82 т. / изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. 72. – С. 536–609.
9. Perrot, J. Dostoievski «aristocrate» grand-russe / J. Perrot // Europe. – 1971. – № 510. – P. 3–24.